

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.В. Кудряшёв

Из истории московского образования в годы Первой мировой войны

В статье рассказывается о системе московского образования, жизни молодого поколения в чрезвычайных социально-экономических условиях Первой мировой войны, о влиянии военной атмосферы на детей.

Ключевые слова: Москва; образование; Первая мировая война; патриотизм; сельскохозяйственные дружины учащихся; безнадзорность.

В годы Первой мировой войны происходила мобилизация российского общества на удовлетворение потребностей фронта. В условиях войны помещения многих учебных заведений и других просветительных учреждений нередко переоборудовались под госпитали или использовались в иных военных целях. Военным реквизициям подвергались главным образом помещения начальных училищ. Важно отметить, что на протяжении всей войны муниципальные власти с пониманием относились к необходимости передачи школьных помещений под военные нужды. Вместе с тем, учитывая важность учебного процесса, органы местного самоуправления все же стремились к тому, чтобы здания реквизировались армией лишь в самых крайних случаях, главным образом для устройства лазаретов.

По мере продолжения войны реквизиции школьных зданий продолжались. Учебное ведомство не имело никаких правовых оснований влиять на процесс реквизиций школьных зданий, оно вынуждено было ходатайствовать перед военными властями о возвращении неправильно, по его мнению, используемых под военные нужды учебных помещений. Отметим, что в дальнейшем, когда из-за неудачного для России хода военных действий в конце лета 1916 года потребность в учреждении новых лазаретов, либо в расширении уже существующих резко возросла, Министерство народного просвещения было поставлено в известность Верховным начальником санитарной и эвакуационной части о том, что при полной готовности освободить школьные помещения от лазаретов он не только вынужден отказаться от этого

намерения, но, наоборот, предвидит необходимость в увеличении числа учебных заведений, отводимых для этой цели [27: с. 59–62].

При передаче зданий учебных заведений под военные надобности их имущество и личный состав, как правило, размещались либо в наемных помещениях, либо в зданиях соседних школ. В репортаже известной городской газеты «Московский листок» рисуется такая картина: «Школьное население Москвы пришлось “спрессовать”. На одну школу — два комплекта учащихся. Утром занимаются коренные школяры, после обеда — вторая смена, пришельцы из другого района. Конечно, время занятий точно определено часами, но школяры второй очереди обычно являются раньше назначенного времени, вследствие чего у дверей школы образуется “хвост”. Полоса очередей не минула и начальную школу» [21: с. 3]. По данным Общества взаимопомощи учащихся, в московских городских школах с начала войны к началу 1917 г. из 326 начальных муниципальных училищ (168 женских, 151 мужских и 7 смешанных) сдвоено 216 (110 мужских и 106 женских). В этих школах училось 69 615 детей (31 992 мальчика и 69 615 девочек) [16: с. 11]. Объединение школ продолжалось и в 1916/1917 учебном году.

Мировая война положила начало процессу «разложения семьи», который в 1920-е гг. принял лавинообразный характер и выбросил на улицы городов сотни тысяч беспризорных детей. Война буквально с первых дней начала беспощадно разрушать семейные узы. Осенью 1914 г. автор журнала «Дошкольное воспитание» Н. Алексеева отмечала: «Детей, лишенных семейного тепла, заброшенных и обиженных, умирающих от голода и болезней, всегда было много, а теперь их стало еще больше. И эта армия растет» [2: с. 418].

Существенную роль в помощи семьям мобилизованных играли общественные организации — добровольные, самоуправляющиеся и надлежащим образом оформленные объединения, занимавшиеся реализацией проектов в области науки, образования, культуры, социальной защиты, благоустройства и т. п. Как справедливо отмечает А.С. Туманова, общественность была соавтором и самым активным участником патриотических кампаний [26: с. 22].

С началом 17 июля (по старому стилю) 1914 г. всеобщей мобилизации по всей стране возникло движение помощи семьям так называемых запасных (резервистов). Среди этой категории военнослужащих было очень много отцов больших семейств. В Москве по числу запасных лидировали окраинные рабочие районы: Лефортово, Сущёво и район Пятницкой улицы. 18 июля (по старому стилю) прошло собрание представителей участковых попечительств о бедных. Эти учреждения, являвшиеся основным органом городского управления по вопросам благотворительности, приступили к реализации плана поддержки семей военнослужащих [4: с. 4]. Так, к осени 1914 г. у Бутырской заставы Москвы — в месте скопления городской бедноты — Сущёвское попечительство организовало в местном парке приют и ясли для детей и семей солдат. В деревянном доме, отведенном для этих нужд, на первом этаже размещались детский сад и ясли для 25 детей, чьи матери трудились

на фабриках. На втором этаже — небольшое семейное общежитие, чье наличие организаторы считали принципиальным: не разлучать матерей и детей, создавать по возможности ощущение семейного уюта. Но каждая комната была переполнена: там проживали сразу по две семьи. Часто женщины там же выполняли и надомную работу — шитье, служившую их основным заработком [17: с. 539–540]. Постепенно такие же учреждения стали возникать и в других районах Москвы. Осенью 1914 г. депутаты Московской городской думы выступили с заявлением о необходимости «культурно-воспитательной деятельности среди беднейшей части подрастающего населения Москвы». Все дети Москвы рассматривались как лица, пострадавшие от войны и поэтому нуждавшиеся в особой защите. Если одни дети страдали потому, что остались без отцов и братьев, то другие оттого, что были заброшены, забыты, лишены воспитательного влияния. Предлагалось создавать так называемые очаги не только для дошкольников, но и для подростков [10: с. 17–18].

Наряду с официальными муниципальными организациями в программе помощи солдатским детям принимали участие и общественные организации.

Расскажем об основных из них.

1. Накануне войны, в мае 1914 г. был учрежден Союз районных обществ попечения об учащихся детях. Председателем правления союза был избран князь Михаил Владимирович Голицын, товарищем (заместителем) председателя — Николай Владимирович Чехов. Одной из первых забот союза стала помощь обществам в изыскании материальных средств в связи с сокращением их в обстоятельствах начавшейся Первой мировой войны. Союз вышел перед городской думой с ходатайством, на которое она откликнулась. В течение 1915 и 1916 гг. из специальных сумм, ассигнованных городом на военные нужды, районным обществам попечения было выделено 112 484 руб. «Работа в учреждениях для внешкольного воспитания и образования детей, — писал по этому поводу Н.В. Чехов, — есть школа общественной деятельности для всех в ней участвующих, есть прямой для них путь внести и свое горчичное зерно в общую сокровищницу прогресса нашей Родины. И это будет то самое горчичное зерно, которое, посеянное на благодатной почве детской души, принесет плод сторицею... Долг союза вызвать и организовать целое общественное движение в этом направлении. Оно уже началось, а союз — самая удобная форма для направления его в надлежащее русло» [28: с. 6].

2. Вопросы внешкольного воспитания и обучения приобрели особую актуальность в обстоятельствах военного времени. В январе 1915 г. в городскую думу было внесено заявление ее гласных С.В. Бахрушина (приват-доцента Московского университета) и А.Д. Алферова (преподавателя женской гимназии) о необходимости выработки мер культурного воздействия на массы. С.В. Бахрушин подчеркивал необходимость служения подрастающему поколению не только на словах и не только устройством учреждений, но и личной повседневной работой с детьми. Бахрушин говорил о дефиците в детской

жизни простого общения с добрыми и интеллигентными людьми. В 1915 г. дед С.В. Бахрушина, почетный гражданин Москвы Александр Алексеевич Бахрушин, пожертвовал городу 500 тыс. руб.: часть — на городской Народный дом, в котором согласно воле жертвователя должны были быть помещения для игр и разумных развлечений детей и подростков, библиотека с читальней; часть — на постройку здания учебно-ремесленной мастерской. В состав попечительного совета учреждений Бахрушин просил включить пожизненно сына своего Алексея Александровича и внука Сергея Владимировича [14: с. 72–73].

Среди различных искренних и полезных начинаний отдельных лиц и обществ С.В. Бахрушин особенно выделял деятельность союза районных обществ попечения как первую попытку организовать в Москве планомерно и в широком масштабе попечение о подрастающем поколении. «Задачи перед союзом обширные и ответственные, — писал он, — и с каждым годом существования обществ попечения об учащихся детях их первоначально скромные цели расширяются и приобретают значение государственных». С.В. Бахрушин призывал все московское общество ближе подойти к этому большому делу, подойти с чувством уважения к опекаемым и сознанием своего долга перед подрастающим поколением.

В ноябре 1915 г. Союзом районных обществ попечения об учащихся детях был организован кружечный сбор с благотворительных продаж цветка гвоздики, имевший крупный успех. Были не просто собраны деньги (около 26 тыс. руб.), но и широкие слои населения познакомились с задачами внешкольных занятий с детьми и подростками. Изданная союзом однодневная газета «Дети — наша надежда» разошлась по Москве в десятках тысяч экземплярах [1: с. 6; 14: с. 72].

Московское муниципальное самоуправление, городские учительские организации оказывали помощь педагогам-беженцам, их семьям, эвакуированным из западных регионов Российской империи. Московские власти ассигновали через Бюро общественной помощи сумму, размер которой в разное время колебался от 9 до 15 рублей на человека. Распределение этой суммы было поручено учительской комиссии. Представители комиссии посещали семьи коллег, учитывая их реальное материальное положение. В особых случаях к городским выплатам добавлялись и дополнительные средства из фондового капитала комиссии, пополнявшегося ежемесячными взносами московских городских учителей и других муниципальных служащих. Московская учительская комиссия также оказывала помощь и преподавателям-беженцам, жившим в провинции. Аналогичное обследование на местах проводили либо уполномоченный Московского комитета Всероссийского педагогического общества, либо лектор этой организации [8: с. 1].

В годы Первой мировой войны у детей, а особенно у подростков, повысился интерес к народам и странам, к их истории и географии. Большое влияние на детское сознание оказывали различные формы патриотической пропаганды. Война, к сожалению, породила настоящий обвал бульварной, лубочной,

«народной патриотической» литературы. Одной из самых многочисленных групп потребителей этой примитивной литературы были дети, в особенности дети из семей самых демократических слоев населения: фабрично-заводских рабочих, ремесленников, прислуги и т. п. Все приемы лубка — хлесткая, острая форма изложения, «забавные» иллюстрации-карикатуры, тривиальные, легко запоминающиеся стишки и частушки — хорошо соответствовали уровню детского восприятия [3: с. 52–53]. Издания для детей также начали активно эксплуатировать военную тему. При этом многочисленные детские журналы обычно просто перепечатывали неадаптированный материал периодической печати, украшенный патриотическими картинками. Е. Иорданская в обзоре детской печати пришла к выводу: «Заметки о войне, выбранные из газет, носят пестрый, недостаточно продуманный характер. Что возмутительно... — это карикатуры... Шутки и рисунки плоски, дешево остроумны и несколько не смешны» [11: с. 663–664]. Однако не только лубочная и бульварная пресса оказывала влияние на воспитание детей и подростков. «С самого начала войны дети жадно кидаются на газеты, — писал обозреватель журнала «Русская мысль» А. Обухов, — и газеты вообще начинают играть большую роль в их жизни...» [19: с. 90]. Н.А. Малиновский, постоянный автор авторитетного журнала «Русская школа», отмечал: «Дети с жадностью читают телеграммы, газеты и упиваются разговорами о войне» [13: с. 65].

Среди московских педагогов были и те, которые пытались с помощью нестандартных приемов, новых форм организации внешкольной работы влиять на интеллектуальное становление подростков, корректируя их вкусы и предпочтения. К такой внеучебной деятельности относилось создание своеобразных подростковых лекториев, проведение, как писали в начале XX в., «рассказов и бесед» для подростков. В Москве «рассказывание» началось в 1912–1913 гг. по инициативе известного деятеля внешкольного образования А.У. Зеленко. Начиная эту работу, педагог использовал опыт Англии и США. Занятие строилось таким образом, чтобы подростки не только слушали докладчика, рассказывавшего об интересном историческом событии, стране, легенде, но и могли все вместе обсудить эту тему, опираясь на прочитанные книги, рекомендованные лектором. Таким образом, вступительный рассказ взрослого перерастал в общую дискуссию, стимулируя познавательную активность подростков. Работа А.У. Зеленко и его единомышленников началась в Грибоедовской библиотеке. К осени 1914 г. сложился небольшой «кружок рассказчиков», который проводил беседы с детьми в библиотеках по всему городу. В годы войны благодаря содействию депутатов городской думы кружок получил официальный статус в качестве комиссии по устройству бесед с подростками при Центральном бюро помощи жертвам войны. В комиссии было 20 членов, их число росло. Военная комиссия городской думы отпустила на организацию работы с подростками 12 900 рублей. Благодаря целевому финансированию «рассказчик» стал получать 5 рублей за час

работы, а его ассистент — 2 рубля. С января по март 1915 г. было проведено около 75 рассказов и бесед с 4500 детьми от 13 до 16 лет. По городу развешивались афиши, в которых сообщалось о проведении бесплатных бесед. Темы встреч были связаны по преимуществу с народами и странами, затронутыми войной [25: с. 3–4].

3. Не смогло остаться в стороне от благотворительных, патриотических акций и известнейшее московское педагогическое общество «Детский труд и отдых» во главе с С.Т. Шацким. Впоследствии сам педагог вспоминал: «Во время войны в связи с необходимостью обслуживать огромное количество детей, отцы которых ушли на фронт, запросы на массовую педагогику значительно усилились».

Ясли, детский сад и вечерняя школа, располагавшиеся в здании общества в Вадковском переулке, 1 октября (по старому стилю) 1914 г. были открыты для детей фронтовиков. Предполагаемая численность воспитанников с учетом имеющихся в распоряжении общества средств была определена в 150 человек. Но руководство «Детского труда и отдыха» рассчитывало вдвое увеличить прием детей с учетом возможных пожертвований [6: с. 600]. С.Т. Шацкий и его сотрудники продолжали работу, начатую в 1905 г. обществом «Сетлемент». В начале 1915 г. в центре успешно функционировал детский сад во главе с Л.К. Шлегер. Его посещали 75 детей, разделенных на группы по 10–12 человек. Сотрудники детского сада пользовались обширной библиотекой, в которой были книги и на иностранных языках. Реализовывались популярные в начале XX в. идеи свободного воспитания. Воспитатели отмечали: «Наша задача не учить, не давать знания, а дать детям детство. Если можно уловить у нас систематичность, то только в наблюдениях и выводах» [7: с. 41]. Работа детского сада была основана на игровой активности детей. Важным направлением дошкольного развития было эстетическое воспитание: «Для нас музыкальная и художественная жизнь детей не фраза, а действительность» [7: с. 43]. Для оздоровления городских детей была создана летняя колония детского сада в Подмосковье. Были открыты ясли (25 детей) и медицинская амбулатория.

В здании в Вадковском переулке работала и экспериментальная частная школа. Она была небольшая по численности (15–20 учащихся) и формально не входила в «Детский труд и отдых».

Ведущими направлениями воспитания в обществе были коллективный труд, самообслуживание, самоуправление. Работали ткацкие, швейные, сапожные, столярные, переплетные мастерские. Эти «древние виды» ремесла, по мнению сотрудников, наилучшим образом подходили для детского развития: «Дети переживают историю человечества и знакомятся с важностью и распространенностью по земле и каждого материала, и каждого труда». Поэтому основными темами развивающих бесед с воспитанниками были исторические.

На кухне, которой заведовала 17-летняя воспитанница, ежедневно готовили обеды для 450 детей из солдатских семей. Прислуги не было, дети сами дежурили в столовой.

В перспективе сотрудники общества намеревались создать детский кооператив, связанный с Сущёвским районом Москвы: «Мы будем варить пищу и печь хлеб за дешевую плату для семейств тех детей, которые будут ходить в наш дом». Таким образом реализовывался основной принцип работы «Сетлемента» — досугового развивающего центра, влияющего на окружающую социальную среду: «Это свяжет наше дело с нашими соседями, без чего продуктивная работа невозможна» [7: с. 43]. Эти идеи были высказаны в книгах американца Д. Дьюи и получили свое развитие в опыте работы С.Т. Шацкого и его единомышленников А.У. Зеленко, Л.К. Шлегер и других.

Деятельность центра С.Т. Шацкого успешно продолжалась и в 1916 г. На кухне уже готовили до 500 обедов в день. Посетители отмечали специальные низкие плиты, приспособленные для дежурных воспитанников [20: с. 215]. Удалось обзавестись и собственной хлебопекарней, которой дети очень гордились. Функционировала даже метеостанция, на основе которой занимался кружок «любителей знания неба». Посетители удивлялись, насколько серьезно относились дети к своим обязанностям. Успешно развивалось самоуправление: «Общие трудовые интересы, общие вопросы, требующие и совместного разрешения, привели детей без всякого нажима со стороны взрослых к мысли об устройстве общих собраний, на которых обсуждаются все назревшие вопросы и принимаются решения, вырабатываются правила, которым строго подчиняются все, как взрослые, так и дети». Например, без разрешения хозяев работники одной мастерской не могли заходить на территорию другой рабочей площадки. Корреспондент в заключении своего очерка делал вывод: «Может быть, и несомненно, даже, что в этом детском доме есть недостатки, если ближе ознакомиться с ним, но все же уходишь оттуда с хорошим, радостным чувством. Тут создается что-то новое, тут источник нового опыта, новых знаний, пытливых сомнений и светлых исканий» [20: с. 218].

Но не все в деятельности детского центра было столь безоблачно. С.Т. Шацкий и его коллеги по педагогической организации выступили с неоднозначными, нонконформистскими идеями: «Передо мною стояла чрезвычайно большая задача, которую со значительными затруднениями мне все же удалось выполнить, а именно; уберечь детей от шовинистического угара, от возбуждения ненависти к немцам, что было в то время довольно сильно распространено в широких демократических кругах нашей общественности». Педагоги центра Шацкого принципиально отстаивали свои взгляды: «Эта позиция в значительной степени изолировала и меня и моих товарищей от общего потока и общественно-педагогической работы». С.Т. Шацкий признавал сложность положения: «Если при закрытии “Сетлемента” против нас вооружались “Союз русского народа”, монархисты и охранное отделение, то теперь можно было отметить значительное недовольство нами не только среди людей, которые могли бы давать на ведение дела деньги, но и среди педагогов, демократически настроенных». С.Т. Шацкий вспоминал о неоднозначной реакции общественности в военные годы

по отношению к взглядам сотрудников «Детского труда и отдыха»: «Наш кружок занимал изолированную позицию в целом ряде вопросов: в вопросах методических, связанных с работой экспериментальной школы, в работе детского сада и в вопросах подготовки педагогов, за которую мы серьезно взялись. В самом деле, было чрезвычайно трудно удержаться на позиции опытного дела, на позиции изучения его в то время, когда жизнь в связи с войной выдвигала как раз свертывание всех работ подобного порядка, выдвигая практические задачи массового обслуживания детей в атмосфере военного угара. Основные упреки, которые нам приходилось выслушивать, касались именно того, что мы настроены против массовой работы, т. е. работы жизненной, практической, и занимаемся в такое трудное время работой узко теоретической, носящей принципиально опытный характер. В сущности, мы не хотели принимать участия в военном угаре».

С.Т. Шацкий и его единомышленники приняли участие и в работе педагогических курсов при университете имени Шанявского. Коллеги Шацкого выступали против массовой подготовки специалистов во время чтения точных лекций: «Мы постоянно указывали на то, что огромное количество слушателей, несколько сот, для которых нужно было читать эти лекции, нас совершенно не удовлетворяло». Тем не менее единомышленникам С.Т. Шацкого удалось разработать свою программу по подготовке педагогических кадров: «Особенностью программы курсов было, то, что в нее в значительной степени входил тот материал, который является результатом практической работы самих слушателей; особенностью метода было то, что слушателям предлагалось заниматься главным образом анализом этого жизненного материала под нашим руководством и самостоятельно нащупывать те выводы, к которым должен был их толкать этот жизненный материал. Мы предлагали нашим молодым товарищам тот метод работы над собой, который мы сами применяли в течение долгих лет к себе». С.Т. Шацкий с удовлетворением отмечал: «В результате мы приобрели довольно большое количество товарищей, с которыми мы могли работать в наших учреждениях, и через них завязали связи с детскими учреждениями и в Москве и в провинции» [29: с. 59–61].

С самого начала мировая война резко изменила темп и ритм жизни детей и подростков. Интерес юного поколения к начавшейся войне был необычайно высок. Он захватил детей всех общественных слоев, всех возрастов, начиная с трех лет, но, конечно, в максимальной степени — школьников. Война ворвалась как освежающий порыв ветра в монотонную, однообразную, рутинную жизнь школы. Она оказала на школьника стимулирующее и тонизирующее действие. Возникло новое чувство ответственности, общего долга. Проснулась жажда какой-то кипучей, лихорадочной деятельности. До войны ни в школе, ни в семье ребенок не находил того, что делает интересной детскую жизнь — постоянного движения, разнообразия, быстрой смены впечатлений. Война принесла все это в избытке, и дети, скучавшие ранее в рутине школьной и семейной повседневности, сразу ожили. Они инстинктивно почувствовали,

что открылось новое поприще для приложения избытка не нашедших применения духовных и физических сил. Они провожали на фронт войска в дни массовой мобилизации, переписывались с солдатами, встречали первых раненых. Возникла и стихийная тяга к непосредственному участию в деятельности, направленной на нужды войны, к содействию воюющим взрослым. Это проявилось в активной, добровольной помощи раненым в госпиталях, в изготовлении и отправке на фронт подарков, в сборах в пользу раненых и инвалидов [3: с. 49–50].

Затяжной характер войны, нарастание продовольственных трудностей, сокращение посевных площадей и, главное, острая нехватка рабочих рук в деревне стали причиной того, что весной 1915 г. ряд известных общественных деятелей, а также родительские комитеты некоторых учебных заведений выступили в печати с призывами к учащейся молодежи принять активное участие в полевых работах. В частности, решение о подобном обращении было принято на заседании Петроградского родительского кружка. «Придите же вы с вашими молодыми силами на помощь Родине, возьмите в руки лопату, косу, серп, кому что по силам и... станьте ближе к земле и к нашему трудовому крестьянству и облегчите работу осиротевшим семьям», — указывалось в воззвании кружка. В обращении подчеркивалось, что любая помощь подрастающего поколения России важна и дорога: «За каждое ваше ласковое слово будет вам безгранично благодарен так много делающий, но так мало требующий русский солдат» [9: с. 81–82]. Министерство народного просвещения выпустило циркулярное предложение от 6 июня (по старому стилю) 1915 г. за № 25716 по организации дружин из учащихся [15: с. 658].

Ответом на эти обращения стало образование новых трудовых дружин, причем не только в сельскохозяйственных школах, но и во многих гимназиях, реальных училищах, других учебных заведениях, обычно весьма далеких от сельского хозяйства. Осенью 1915 г. на первом после летнего перерыва заседании Петроградского родительского кружка был сделан доклад о работе дружин. В заключении доклада было отмечено: «Молодежь доказала, что она умеет добросовестно относиться к взятым на себя обязательствам, что умеет переносить спокойно всякие лишения; мало того, она показала свою способность организовать, свое умение применяться к обстоятельствам, свою готовность скромно работать на пользу родине» [22: с. 99].

Не осталась в стороне от этой патриотической инициативы и Москва.

В июне 1915 г. помощник попечителя Московского учебного округа В.М. Терентьев направил циркуляр начальникам мужских средних общеобразовательных и промышленных учебных заведений, директорам учительских семинарий и институтов и директорам народных училищ Московского учебного округа, призывая их лично содействовать организации дружин из учащихся «вверенных им учебных заведений, поставив таковые под непосредственное начальство кого-либо из преподавательского персонала». Были

и объединенные дружины из представителей нескольких учебных заведений. Руководство учебных заведений должно было контактировать с губернскими и уездными властями, координируя работу учащихся [15: с. 658–659].

Трудовые объединения московских старшекласников насчитывали в среднем 10–15 человек. Для оповещения об организуемых при школах дружинах в газетах были размещены объявления. Многие из живущих на дачах учеников оказывали помощь нуждающимся крестьянским семьям на местах, о чем письменно директоров школ уведомили некоторые из родителей. Основной период работы дружин пришелся на первую половину августа. Школьники пахали, молотили, боронили, копали картофель и вывозили урожай в хранилища Московского уезда.

Московская уездная управа позитивно оценила работу ученических дружин. Были отмечены учащиеся 2-й и 6-й мужских гимназий, гимназии В.Д. Касицына, реального училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла, и Марьино-Рощинского высшего начального училища. Так, Озерецкое попечительство о бедных выразило через уездную управу «свою искреннюю и глубокую благодарность всем членам дружины, работавшей в районе этого попечительства» [15: с. 895]. Уездная администрация, «признавая эту форму помощи населению весьма желательной», пришла к выводу, что организация сельскохозяйственных дружин в 1916 г. «заслуживала бы более планомерной и широкой постановки». Для этого было необходимо уведомить начальство учебных заведений о том содействии, которое могло бы быть оказано дружинам со стороны уездного земства. В связи с этим руководство Московского учебного округа было оповещено о том, что управа через свою агрономическую организацию «могла бы взять на себя заботу о наиболее целесообразном использовании труда дружин путем направления их в те местности, где в этом представлялась бы наибольшая потребность, и путем руководства работами на местах» [15: с. 895].

В 1916 г. движение сельскохозяйственных дружин приняло более массовый, систематический и планомерный характер. Значительно расширились его географические рамки. Практически в каждой губернии европейской части России в весенне-летний период 1916 г. работало как минимум несколько сотен учащихся, объединенных в дружины и артели. Имелись они и во многих регионах на окраинах империи.

4. Министр народного просвещения П.Н. Игнатьев в циркулярном предложении от 17 февраля (по старому стилю) 1916 г. за № 1350 отмечал, что опыт организации трудовых дружин из учащихся-добровольцев принес определенные плоды. И они заключались не только в помощи по уборке урожая, но и в знакомстве подрастающего поколения с реалиями жизни села, «с основной отраслью нашего народного хозяйства — земледелием». В новом циркуляре за № 3952 от 27 апреля (по старому стилю) 1916 г. эта тема была продолжена. П.Н. Игнатьев подробно раскрывал воспитательное значение сельскохозяйственного труда для городских подростков [15: с. 900]. Министр

подчеркивал, что, опираясь на этот опыт, на полученное у крестьянства доверие, следует продолжать формирование молодежных дружин. Руководитель учебного ведомства призывал обратить внимание на координацию действий с местными властями, общественными организациями.

Обращение министра народного просвещения и попечителя Московского учебного округа об организации из учащихся трудовых дружин для сельскохозяйственной помощи семьям лиц, призванных на военную службу, нашло широкий отклик даже в учебных заведениях, эвакуированных в Москву из зоны боевых действий. Летом 1916 г. 12 учеников 6-й Варшавской мужской гимназии и 4 ученика Варшавского реального училища полтора месяца работали на крестьянских полях, помогая семьям призванных на войну [15: с. 901].

Количественному росту сельскохозяйственных дружин в общероссийском масштабе в немалой степени способствовала широкая пропаганда их деятельности в центральных и местных изданиях. Так, газета «Московский листок», анализируя опыт деятельности ученических объединений, весной 1916 г. писала: «Помощь учащейся молодежи крестьянам в полевых работах... теперь принимает строго организованный характер» [18: с. 35]. Активная работа старшеклассников в сельской местности вызвала интерес даже со стороны Николая II. Высоко оценивая их патриотический порыв, выражая благодарность членам дружин за их добровольный труд, царь особо выделял воспитательное значение подобного опыта: «...Ничто не может более благотворно влиять на юношей, как сближение с крестьянами в обстановке их трудовой сельской жизни» (цит. по: [22: с. 34]).

Таким образом, годы Первой мировой войны были ознаменованы возникновением и развитием масштабного патриотического движения российской учащейся молодежи. Охватив множество юных россиян, оно стало не только важным фактором развития образования в военные годы, но и заметным явлением социальной жизни.

Несмотря на принимаемые меры, в годы Первой мировой войны происходил рост детской безнадзорности. Ситуация ухудшилась в связи с наплывом в Москву беженцев из западных регионов Российской империи (см.: [5: с. 134–141]). Дело было в качественно новом характере явления безнадзорности, порожденного войной. В то время как мужчины гибли на фронте, женщины, особенно из рабочих семей, вынуждены были занять их место в деле добывания материальных средств. Огромная масса детей в городах оказалась предоставлена сама себе, семью во многом стала заменять улица. Атмосфера военного времени приобрела угрожающий делу народного образования характер. По отчетам Училищного совета видно, что, например, в 1916/1917 учебном году в четвертых классах начальных школ обучалось только 3720 человек, что составляло 23,5 % от числа обучавшихся в первом классе. Это означало, что до $\frac{3}{4}$ детей, поступивших в школу, уходило, не окончив ее [12: с. 365]. К 1917 г. усилилась социальная напряженность. Общее собрание Московского общества грамотности вынесло следующее постановление:

«Особый ущерб принесло сдваивание школ, которое является совершенно недопустимым в виду наличности в Москве роскошных ресторанов, кинематографов, кафешантанов, театров легкого жанра и домов-особняков, не реквизированных на нужды войны» [23: с. 8].

Таким образом, Первая мировая война остановила развитие сети начальных школ Москвы: лучшие здания были заняты под лазареты и госпитали, занятия проводились в две-три смены; из-за расстройств транспорта школы не имели топлива, заработная плата учителям и обслуживающему персоналу выплачивалась нерегулярно (см.: [15; 24]). Несмотря на увеличение числа школ в предвоенный период, далеко не все дети школьного возраста могли получить начальное образование.

Первая мировая война явилась событием, оказавшим огромное влияние не только на детское сознание, трансформацию социальных и моральных представлений детей и подростков, но и в значительной степени изменившим условия их жизни, быта, семейные связи и родственные отношения. Все это в конечном счете способствовало формированию нового, военного поколения, сильно отличавшегося по своему жизненному опыту от поколений мирного времени.

Литература

1. А.Т. Работа с детьми районных обществ попечения г. Москвы во время войны // Школа и жизнь. 1916. № 33. С. 5–7.
2. Алексеева Н. Война и дети // Дошкольное воспитание. 1914. № 6. С. 418–420.
3. Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг. Становление «нового человека». СПб: Дмитрий Буланин, 2003. 238 с.
4. Бахрушин С.В. Деятельность московских городских попечительств о бедных в связи с войной // Известия Московской городской думы. 1915. № 3. С. 1–17.
5. Бахурин Ю.А. Одиноким с Родины. Дети-беженцы Первой мировой в Московской губернии // Родина. 2013. № 8. С. 134–141.
6. В московском обществе «Детский труд и отдых» // Дошкольное воспитание. 1914. № 8. С. 599–600.
7. В московском обществе «Детский труд и отдых» // Дошкольное воспитание. 1915. № 1. С. 41–43.
8. Вахтерова Э. Помощь учащим — жертвам войны (Работа Москвы в 1916 г.) // Школа и жизнь. 1917. № 1. С. 1–2.
9. Заседание Родительского кружка 2 мая 1915 г. // Известия Петроградского Родительского кружка. 1915. № 3. С. 82–84.
10. Заявление гласных Московской городской думы // Для народного учителя. 1914. № 17–18. С. 40–41.
11. Иорданская Е. Детские журналы и война // Дошкольное воспитание. 1914. № 9. С. 660–676.
12. История Москвы: в 6 т. Т. 4: Период разложения крепостного строя. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 872 с.
13. Малиновский Н.П. Война и дети // Русская школа. 1914. № 11. С. 60–74.
14. Меньшикова Е.А. Районные общества попечения об учащихся детях Москвы // Начальная школа. 1991. № 7. С. 68–73.

15. Москва в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Документы и материалы. М.: ГБУ «ЦГА Москвы», 2014. 1104 с.
16. Московские городские школы во время войны (Общество взаимопомощи учащихся в начальных училищах М.Г.С.) // Народный учитель. 1917. № 7. С. 11–14.
17. *Н.Б.* Приют для семей запасных в Москве // Дошкольное воспитание. 1914. № 7. С. 539–540.
18. О трудовых дружинах учащихся // Московский листок. 1916. № 79. (6 апреля). С. 4.
19. *Обухов А.* Война и дети // Русская мысль. 1914. Кн. X. С. 88–93.
20. *Огронович В.* Детский дом о-ва «Детский труд и отдых» в Москве // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 5. С. 214–218.
21. Очередь у дверей школы // Московский листок. 1916. № 12. (12 января). С. 3.
22. Первые шаги по пути организации трудовых дружин учащейся молодежи // Известия Петроградского родительского кружка. 1915. № 3. С. 89–100.
23. Родительские комитеты // Школа и жизнь. 1917. № 4–5. С. 8.
24. Смета городских расходов по народному образованию на 1915 год // Известия Московской городской думы. Отдел «Народное образование». 1914. № 12. С. 22–26.
25. *Тихий А.* Рассказы и беседы для подростков г. Москвы // Школа и жизнь. 1915. № 45. С. 3–4.
26. *Туманова А.С.* Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 327 с.
27. *Фомичев И.В.* Школа и просвещение в России в условиях войны и революции. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2001. 363 с.
28. *Чехов Н.В.* Очередные задачи союза обществ попечения об учащихся детях // Известия Московской городской думы. Отдел «Народное образование». 1915. № 1–2. С. 1–6.
29. *Шацкий С.Т.* Педагогические сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1962. 504 с.

Literatura

1. *A.T.* Rabota s det'mi rajonny'x obshhestv popечeniya g. Moskv'y' vo vremya vojny' // Shkola i zhizn'. 1916. № 33. S. 5–7.
2. *Alekseeva N.* Vojna i deti // Doshkol'noe vospitanie. 1914. № 6. S. 418–420.
3. *Balashov E.M.* Shkola v rossijskom obshhestve 1917–1927 gg. Stanovlenie «novogo cheloveka». SPb: Dmitrij Bulanin, 2003. 238 s.
4. *Baxrushin S.V.* Deyatel'nost' moskovskix gorodskix popечitel'stv o bedny'x v svyazi s vojnoj // Izvestiya Moskovskoj gorodskoj dumy'. 1915. № 3. S. 1–17.
5. *Baxurin Yu.A.* Odinokie s Rodiny'. Deti-bezhency' Pervoj mirovoj v Moskovskoj gubernii // Rodina. 2013. № 8. S. 134–141.
6. V moskovskom obshhestve «Detskij trud i otdy'x» // Doshkol'noe vospitanie. 1914. № 8. S. 599–600.
7. V moskovskom obshhestve «Detskij trud i otdy'x» // Doshkol'noe vospitanie. 1915. № 1. S. 41–43.
8. *Vaxterova E'.* Pomoshh' uchashhim — zhertvam vojny' (Rabota Moskv'y' v 1916 g.) // Shkola i zhizn'. 1917. № 1. S. 1–2.
9. Zasedanie Roditel'skogo kruzha 2 maya 1915 g. // Izvestiya Petrogradskogo Roditel'skogo kruzha. 1915. № 3. S. 82–84.

10. Zayavlenie glasnny'x Moskovskoj gorodskoj dumy' // Dlya narodnogo uchitelya. 1914. № 17–18. S. 40–41.
11. *Iordanskaya E.* Detskie zhurnaly' i vojna // Doshkol'noe vospitanie. 1914. № 9. S. 660–676.
12. *Istoriya Moskvy': v 6 t. T. 4: Period razlozheniya krepostnogo stroya.* M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954. 872 s.
13. *Malinovskij N.P.* Vojna i deti // Russkaya shkola. 1914. № 11. S. 60–74.
14. *Men'shikova E.A.* Rayonny'e obshhestva popecheniya ob uchashhixsya detyax Moskvy' // Nachal'naya shkola. 1991. № 7. S. 68–73.
15. Moskva v gody' Pervoj mirovoj vojny'. 1914–1917 gg.: Dokumenty' i materialy'. M.: GBU «TSGA Moskvy'», 2014. 1104 s.
16. Moskovskie gorodskie shkoly' vo vremena vojny' (Obshhestvo vzaimopomoshhi uchashhix v nachal'ny'x uchilishhax M.G.S.) // Narodny'j uchitel'. 1917. № 7. S. 11–14.
17. *N.B. Priyut* dlya semej zapasny'x v Moskve // Doshkol'noe vospitanie. 1914. № 7. S. 539–540.
18. O trudovy'x družinax uchashhixsya // Moskovskij listok. 1916. № 79. (6 aprelya). S. 4.
19. *Obuxov A.* Vojna i deti // Russkaya my'sl'. 1914. Kn. X. S. 88–93.
20. *Ogronovich V.* Detskij dom o-va «Detskij trud i otdy'x» v Moskve // Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii. 1916. № 5. S. 214–218.
21. Ochered' u dverej shkoly' // Moskovskij listok. 1916. № 12. (12 yanvarya). S. 3.
22. Pervy'e shagi po puti organizacii trudovy'x družin uchashhejsya molodezhi // Izvestiya Petrogradskogo roditel'skogo kruzhka. 1915. № 3. S. 89–100.
23. Roditel'skie komitety' // Shkola i zhizn'. 1917. № 4–5. S. 8.
24. Smeta gorodskix raschodov po narodnomu obrazovaniju na 1915 god // Izvestiya Moskovskoj gorodskoj dumy'. Otdel «Narodnoe obrazovanie». 1914. № 12. S. 22–26.
25. *Tixij A.* Rasskazy' i besedy' dlya podrostkov g. Moskvy' // Shkola i zhizn'. 1915. № 45. S. 3–4.
26. *Tumanova A.S.* Obshhestvenny'e organizacii Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny' (1914 – fevral' 1917 g.). M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2014. 327 s.
27. *Fomichev I.V.* Shkola i prosveshhenie v Rossii v usloviyax vojny' i revolyucii. Voronezh: Voronezh. gos. ped. un-t, 2001. 363 s.
28. *Chexov N.V.* Ocheredny'e zadachi soyuza obshhestv popecheniya ob uchashhixsya detyax // Izvestiya Moskovskoj gorodskoj dumy'. Otdel «Narodnoe obrazovanie». 1915. № 1–2. S. 1–6.
29. *Shatskij S.T.* Pedagogicheskie sochineniya: v 4 t. T. 1. M.: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1962. 504 s.

A.V. Kudryashev

On the History of Moscow Education in the Years of the First World War

The article tells about system of Moscow education, life of the younger generation in the extraordinary socio-economic conditions of the First World War, about the influence of military atmosphere on children.

Keywords: Moscow; education; First World War; patriotism, agricultural brigades of schoolchildren; neglect.